

ЛАНА
МЕЙЕР

Демон
ВНУТРИ МЕНЯ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Лана Мейер
Демон внутри меня
Серия «Игра манипуляторов»
Серия «Демон внутри меня», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41856966

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9766-7

Аннотация

Он – конгрессмен, жадный до власти мужчина в идеальном костюме от Kiton. Кай – первородный соблазн. Грех. Но его второе "я" таит в себе еще более чудовищную суть. По воле случая Леа попадает в "коллекцию" живых игрушек мистера Стоунэма и становится новой жертвой его опасных игр. История не для слабонервных и нежных особ. Предупреждения: 18+, сцены насилия, роман погружает вас в водоворот страсти и эмоциональной, психологической зависимости между героями. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Лейла	5
Глава 1	8
Лейла	8
Глава 2	24
Flashback. От третьего лица.	24
Лейла	27
Глава 3	49
Лейла	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пролог

«Мой враг – я сам внутри себя. Внутри меня есть «не я».

(с)

Харуки Мураками. Все божьи дети могут танцевать.

«Я тот, чей взор надежду губит;

Я тот, кого никто не любит;

Я бич рабов моих земных,

Я царь познания и свободы,

Я враг небес, я зло природы,

И, видишь, – я у ног твоих.»

М. Ю. Лермонтов «Демон»

Лейла

Не так я представляла себе свою жизнь.

Теперь, когда я заглянула в самое сердце бездны и осталась жива, эта мысль не перестает преследовать меня.

Я не сделала ничего плохого. Но и ничего хорошего.

Первое, что чувствую, когда сознание возвращается в мое тело – боль. Тягучую, липкую...сосредоточенную на моих запястьях и лодыжках.

Я связана и не просто связана – оковы плотно окольцовывают мою кожу, до красноты, до рубцов, которые останутся со мной на всю жизнь.

Как память о кошмаре, который настиг меня в момент, когда я смирилась со своей участью рабыни.

Я не была рабыней в самом из жутких смыслов этого слова. Скорее вольной птицей, запертой в золотой клетке. Я не была свободна, но и не вылизывала ноги своему хозяину.

Я просто не принадлежала себе. Уже слишком давно – нет. А теперь все будет гораздо хуже, **ОН** успел показать это мне, и я знаю, что этот подонок не остановится ни перед чем. Кай Стоунэм будет упиваться своей местью, пока не сломает меня.

Это будет не разлом пополам, он сказал, что это было бы слишком легко. Скучно. Он будет медленно отламывать кусочки моей души и каждый кусочек делить на новые части...

Маньяк? Психопат? Сумасшедший? Именно эти слова приходили мне на ум, когда я вспоминала взгляд его зеленых глаз-хамелеонов.

Я больше не хотела их видеть. Никогда. Но он уже подал голос:

– Не притворяйся, – этот был голос полный стали. Голос моего похитителя и создателя моих мук. Я даже в мыслях не хотела называть его по имени. Но еще больше я не хотела, чтобы он произносил мое имя. Пусть даже не настоящее.

– Я знаю, что ты пришла в себя, *Лейлааа*, – мое имя Кай протянул, и от одного звука его голоса по моей коже заструился пот. Я отчетливо почувствовала медленно стекающую по пояснице каплю.

Я не буду просыпаться. Чем меньше я буду смотреть в его глаза, тем лучше будет для меня. Так легче...противостоять его влиянию. Хотя это почти невозможно.

Постаралась прислушаться к своим ощущениям. Я больше не была потной и грязной. Не чувствовала крови на своем теле – осталось лишь болезненное жжение между ног. Если бы я встала, боль принесла бы мне серьезные проблемы при ходьбе.

Это пройдет.

Старалась себя успокоить, чтобы остановить предательские слезы, закипающие под веками. И даже это не укрылась от его соколиных глаз...

Он затянул веревки на моих запястьях еще туже, когда я

резко открыла глаза и начала вырываться из пут. Как глупо.

– Отпусти меня! Ублюдок! Ты за все заплатишь! – неожиданно вырвалось из меня, а потом я всхлипнула и ослабла снова. Боль стала невыносимой. Она начала просыпаться в моем теле.

А картинки моих воспоминаний смешались с мягким угрожающим баритоном в моей голове:

«Сейчас я трахну твою маленькую тугую попку. И только попробуй вякнуть.»

На губах я ощутила вкус клубники. Это последнее, что я помню, прежде чем вновь провалиться в бессознательную бездну.

Глава 1

Лейла

Говорят, привыкнуть можно ко всему. Даже к тому, что тебя все ненавидят.

Даже к тому, что теперь я вещь? У меня нет личности. Лишь маска, которую нацепили на меня, как на куклу, и которую я приняла с улыбкой из-за отсутствия вариантов.

Неужели можно даже привыкнуть к мысли, что я больше никогда, *никогда* не увижу своих родных и близких?

Помню ли я их лица, и достаточно ли двух лет, чтобы полностью обнулить свою жизнь?

Я больше не знаю, кто я. *Лейла*. Такое имя дал мне мой хозяин – Алмас Ясин.

– Лейла, поменяй мои ароматические свечи, пожалуйста. Я хочу что-нибудь фруктовое или цветочное, – поднимаю глаза на женщину, пританцовывающую у зеркала. Она крутится перед своим отражением, радуясь новому дорогому подарку от своего мужа – роскошный халат в восточном стиле, украшенный сверкающими камнями. Уверена, что драгоценными. Прикидываю, что стоимость халата составляет годовой бюджет какой-нибудь небольшой страны в Африке.

В этом доме все сверкает и блестит, как и в том доме на

Ближнем Востоке, который мы недавно покинули. Мы вернулись в Америку на время – Алмас часто приезжал сюда и порой не хотел расставаться со своими женами, наложницами, служанками и рабынями. *Он любил женщин.* Любил их нежной, светлой, но собственнической и где-то жесткой любовью. И мне повезло, что в его характере было любить *всех* женщин, иначе бы он не был бы так терпелив к моему телу.

Я не могла поверить в то, что нахожусь *дома*. Когда я говорю «дом», я имею в виду Штаты. Не на Ближнем Востоке. Не в этой удушающей жаре, что стоит там круглый год.

То, что раньше когда-то было моим домом, моей жизнью...

Возможно, всего в нескольких десятках километров от нашего особняка находится *моя* редакция. *Мой* кабинет, в котором я любила засиживаться допоздна. За моим столом сидит уже другая девушка и она пишет *моей* ручкой, а перед ее глазами стоит фотография ее мужа в рамочке.

Так я себе это представляла.

Мое сердце заполнила такая тоска, что я почти физически ощутила болезненную ломоту в грудной клетке.

Спустя два года я уже почти не плачу.

Надеюсь, моя преемница не будет совершать моих ошибок и никогда не окажется в ситуации, в которой оказалась я.

– Да, Госпожа, – отвечаю тихо и смиренно, почти не покривив душой. *Ко всему можно привыкнуть.*

Николь является одной из семи жен Алмаса, и у нас с ней

довольно теплые, почти дружеские отношения. Не считая того, что я обязана прислуживать ей и выполнять все указания. Обычно это всякие глупости – поменять ароматические свечи, приготовить ванну, перебрать ее золотые украшения и красиво разложить по многочисленным шкатулкам.

Женам Алмаса самим приелась их «золотая клетка», они не ведут особо активную жизнь, и поэтому круг их поручений довольно узок. Может, поэтому я привыкла ко всему, что происходит здесь со мной.

Именно потому что не происходит ровным счетом ничего.

Я изолирована от общества. И заслуженно.

Хочу ли я вернуться на свободу? Я не уверена. По крайней мере не ценой свободы близкого мне человека, ради которого я здесь.

Меняю для Николь свечи, изредка поглядывая на женщину, что часами может любоваться своим отражением и додрагиваться до многочисленных золотых браслетов, украшающих ее запястья и предплечья. Алмас очень щедр и предельно богат. Он содержит семь своих жен, хотя иногда мне кажется, что он всех их ненавидит. Жены хотят от шейха лишь одного – золота и побольше, наложницы же – готовы платить ему лаской, теплом и телом, чтобы получить взамен ЕГО любовь.

Кем являюсь я в этом гареме? Не знаю. Алмас говорит, что я – его вдохновение. Его муза. Его любовь.

Его невинный цветок, который он будет беречь до последнего. Для себя.

Он знает, что несмотря на мой возраст – двадцать пять лет, я невинна. Физически невинна.

Но только Дьявол видит то, что я вижу в своих мыслях, когда закрываю глаза. И даже он – в ужасе.

– Красота моя, Лейла, – часто говорил он, нежно зацеловывая мои руки. По большей части я ничего не отвечала. Я молчала почти все время. Ушла в себя, создала храм собственной души внутри тела, где я могла делать, что угодно. С виду же я выглядела, как примерная рабыня, служанка, наложница...не знаю, к кому себя причислить. Я видела, что случалось с девушками, которые пытались сбежать, сопротивлялись, они сходили с ума...хотя Алмас никогда не мучал их.

Может, я чего-то не знала, но он не был психом или извращенцем. Все, что он хотел – это окружить себя самыми красивыми женщинами, самым ярким золотом и брильянтами. Он говорил, что хочет чувствовать полное изобилие в своей жизни. И нет способа лучше, чтобы почувствовать это, чем оградить себя красавицами.

«Но ты, моя дорогая Лейла – краше всех.

Красивее любого бриллианта, который я когда-либо видел.»

Красота...она временна. Да, я не считаю себя *настолько* красивой, как многие твердят мне. Мой образ – лишь соче-

тание правильных черт лица и хорошей фигуры, но мужчины рядом со мной...*меняются*. И я всегда это чувствовала, с самого детства. Я и сама не знаю, в чем мой «секрет». Наверное, в хитрости.

Кристиан как-то сказал мне. *«У тебя есть особый дар. О котором ты, наверное, даже не догадываешься. Ты умеешь обволакивать мужчину...»* — Кристиан тогда хотел сказать что-то еще, и я видела это по его лицу и дрожащим губам. Но он не смог. Очень трудно говорить такие слова той девушке, которая только что тебя отвергла и пятнадцать минут рассказывала тебе о том, какой ты замечательный, потрясающий, *лучший* друг. С Кристианом я дружила с детства — когда он стал взрослым, я даже не заметила того, что он возмужал. Когда Крис стал носить дорогие рубашки и купил свой первый более-менее приличный автомобиль, я все еще видела в нем мальчишку, который бегает по школе и поправляет свою челку и непослушные волосы. Улыбчивый, душевный, простой. Лучший друг, на которого я могла положиться, человек которому я бы могла доверить все и даже собственную жизнь. Но моя жизнь — в прошлом.

Я не испытывала сильных чувств к кому-либо. И никто и никогда не зажигал внутри меня тот загадочный огонь, о котором подруги могли говорить часами. Они с восторгом описывали их парней, в которых они влюблены по уши, а я... только пожимала плечами, когда знакомилась с ними. Парни, как парни.

Смотрела на них и чувствовала удушающую пустоту. В душе — ни огонька, ни вспышки света. Ни-че-го. Сердце мое почти всегда стучало ровно и размеренно. Я умела быть спокойной. Так было легче держать на привязи дьяволицу внутри себя. Я думала ее не существует, но как оказалась — она просто спала. Ждала наивысшего «демона».

Просыпалась она только тогда, когда я полностью отдавалась любимому делу. В прессе меня прозвали «Королевой интриг», и это мне только льстило. Для начинающего журналиста нет более достойного прозвища, а черный пиар был моим главным коньком.

Помню тот день, когда ко мне пришло осознание простого факта: если я хочу, чтобы обо мне заговорили, нужно быть хитрой, проницательной и доставать всю грязь на поверхность. Где-то даже приврать, обернуть в «красивый фантик». Этим я и занималась — все началось в старших классах, когда я стала редактором школьной газеты. Конечно, я писала правду, но ради того чтобы подогреть интерес одноклассников к газете, в красках описывала подробности драк на поле после матчей и высказывала свои предположения о причинах постоянных перепалок. Я никогда не была конфликтным человеком, мне просто нравилось писать. Но сверстники куда с большой охотой читали о драках, интригах, предстоящих школьных балах, чем об открытии нового кружка по прикладному искусству.

В колледже мне предложили стажировку в одной скан-

дальной желтой газетенке — иначе ее не назовешь, но я согласилась, так как мне нужен был опыт. Я знала, что путь к звездам лежит через тернии, и не всегда к ним ведет «красная дорожка» и овации. Я приготовилась к долгой работе и открылась возможности «набить руку».

В своих статьях я всегда писала правду. О звездах, политиках, спортсменах. Из любого развода знаменитой личности я раздувала настоящую сенсацию, а пьяная драка скандального конгрессмена принесла мне грязную славу и хорошие деньги.

А мне нужны были деньги...также, как и известность.

У меня должно было быть имя. Я была единственным человеком в семье, который еще мог вырваться из той дыры, в которой утонала наша семья...

Тщательно изучив всю карьеру успешных журналистов, редакторов и даже писателей, я поняла: без скандалов не обойтись. Люди начнут прислушиваться ко мне, только когда я сделаю себе имя.

А мне было что сказать.

Но сейчас моя писательская деятельность в прошлом. Я и не помню, когда писала в последний раз. Даже если бы хозяин дал бы мне ручку и бумагу, не выдавила бы из себя ни строчки. Я полностью закрылась в себе и стала тем, кем должна была быть — вещью Алмаса Ясина.

Слабая? Отчаянная? Возможно. Но я знаю, что у меня нет другого выбора — Алмас не просто мой хозяин, он нечто

больше. *Я его должница.* К тому же я искренне верю, что это не навсегда...он не трогает, не издевается надо мной. Он милосерден и щедр. Он забрал мою свободу, но это был мой выбор — только так я могла подарить свободу своему брату. Только благодаря Алмасу Мейсона выпустили из тюрьмы. Только благодаря ему моя семья выкарабкалась из долгов, дерьма и грязи.

Оказавшись в своей рабской «золотой клетке», (так я называла свою комнату) замираю у туалетного столика. Медленно выдыхаю, заправляя выбившиеся пряди волос за уши, разглядывая свое отражение.

Разве о такой жизни я мечтала? Разве этого хотела?

Поворачиваю меж пальцев пузырек с духами, инкрустированный стразами — не брильянтами, как у одной из жен Алмаса, но стоит несколько тысяч долларов. Подарок хозяйина. Перевожу взгляд на свое лицо, улавливая едва заметное дрожание своих губ в отражении.

Слезы. Они останутся внутри. Навсегда.

Не знаю, в каком месте поклонники находили мои глаза голубыми океанами. Сейчас мой истинный взгляд полон уныния, пустоты и отчаяния.

Черные волосы с шоколадным оттенком распущены – господин любит естественность, но я скучаю по аккуратным пучкам, в которые заплетала волосы, собираясь в офис.

Нет никакого смысла и в моих четко очерченных губах, которые никогда не знали страстных поцелуев и не произно-

сили искренних слов любви. Нет ничего примечательного в идеально вздернутом носике, когда нет никого, кто бы мог целовать его перед сном...

Красота была для меня скорее проклятьем, чем подарком.

– Лейла, душа моя, – я давно не вздрагиваю, когда слышу голос Алмаса. Обернувшись и одарив его широкой улыбкой, я опускаюсь на колени, слегка кланяясь хозяину. Все с той же широкой улыбкой и влажностью моих глаз от непрощенных слез, которая только добавила взгляду необходимого сияния.

– Да, мой господин, – не смотря на формулировку обращения, в моем голосе нет ни капли преклонения. Повиновения. *Ничего рабского.*

А вот Ясин смотрит на меня совсем иначе – с восхищением, благоговением и любовью.

– Встань, в этом нет нужды, красота моя, – благосклонно просит он, потирая свою густую бороду. Алмас красивый мужчина, но выглядит на все свои сорок пять лет – то ли наличие семи жен, то ли жестокий бизнес влияют на него так – лоб Ясина украшают глубокие горизонтальные морщинки. Они заметны на его лице, несмотря на бронзового цвета кожу.

– В твоем взгляде нет покорности, одно лишь вдохновение. И чистота, – шепчет он, нежно прикладывая руку к моей щеке. Встаю, глядя ему прямо в глаза, и чувствую... что могла бы вертеть этим сильным и могучим мужчиной, как

хочу. Если бы я только хотела...но внутри меня нет огня, а если он и жив глубоко в душе, я не чувствую нужды отдать его именно Алмасу.

Но ему позволено смотреть.

– Хотя ты и моя пленница, ты значишь для меня куда больше, чем многие жены, Лейла, – упираюсь губами в его раскрытую ладонь. *И резко отворачиваюсь.*

– Жду ваших указаний, мой господин. Что на этот раз? – я знаю, что Ясин не приходит ко мне просто так. Обычно он просит...массаж или помочь принять ему ванну.

Звучит противно, но на самом деле...все не так плохо. Он не трогает меня. Кажется, ему моя девственность дороже, чем мне самой. Когда он впервые узнал об этом, он вообще был удивлен тем фактом, что взрослая девушка с запада, может быть невинна.

Находясь в плену Ясина, я чувствую себя японской гейшей – будто продаю свою женственность, а не тело. Я вдохновляю своим присутствием и не позволяю ему ничего лишнего. Я просто жду. Выжидаю того момента, когда смогу попросить его о свободе и знаю, что рано или поздно он не сможет мне отказать. В то же время я боюсь того, что Алмас так заикнется на мне, что никогда не отпустит.

Как бы там ни было, без него я, возможно, и вовсе сейчас не дышала бы. Также, как и моя семья. И все из-за моей скандальности, привычки копаться «в грязном белье» и выливать это на бумагу.

– Я хочу, чтобы ты приняла это, – Ясин показывает на мою кровать, на которой поблескивает шелковая ткань и бриллианты. Очередной костюм для восточного танца – Ясин любит, когда я танцую для него.

Шлюхи – для секса, жены – для общества, такие, как я – для танцев и массажа и развлечения.

– Вы хотите, чтобы я станцевала для вас? Когда? – фальшиво улыбнувшись, я подбегаю к кровати и поднимаю искрящуюся ткань. Закружив по комнате вместе с шелковым нарядом, радостно прижимаю его к груди.

Конечно, я не испытываю и толики радости. Нет ничего унижительнее, чем танцевать приватный и сексуальный танец для своего хозяина. Но я засовываю унижение так глубоко в себя, понимая, что это мой единственный путь. Приходится играть в блестящую дурочку. Лишь бы окончательно свести Ясина с ума. Лишь бы он был готов выполнить любое мое желание. Например, *отпустить* меня. Может быть сейчас...может уже пора?

К тому же, мы в Штатах. Так близко к дому я не была очень давно. Маленький огонек надежды загорелся в глубине сердца, но быстро погас.

И на что ты рассчитываешь? Забудь. Он никогда не отпустит тебя. Мужчина с Востока скорее убьет, чем выпустит на волю «птичку», однажды оказавшуюся в его гареме.

– Прекрасный наряд. Я так благодарна вам, – елеиным тоном произношу я, ощупывая мягкую ткань.

– Я прибыл в Америку для деловых переговоров. Они очень, очень важны для меня, Лейла. На кону стоят большие, огромные деньги. Сделка всей моей жизни. Мне нужно расположить к себе друзей, партнеров. Ты и еще несколько рабынь будут танцевать для них в большом зале.

Улыбка так быстро сползла с моего лица, что я даже не успела осознать того, что забыла о роли «идеальной куколки». Настолько была обескуражена.

Танцевать? Для толпы богатых ублюдков?! Ни за что.

Внезапно мне стало не по себе. Пару раз Ясин устраивал такие приемы, и рабыни нужны были ему для «развлечения» господ. Но то были восточные мужчины, которые в танце живота видели в первую очередь **танец**. Такое они видели каждый день, да и во дворце мне проще было отключиться и просто танцевать, потому что там... я была кем-то другим. *Я была Лейлой.*

Кто я сейчас? Здесь, в штатах, я как никогда чувствую полнейшее отчаяние и тотальное одиночество. Прошное дышит мне в спину, а я боюсь обернуться и воочию увидеть, что от *прежней* меня ничего не осталось.

– Что такое, свет мой? – в первый раз за два года я позволила идеальной маске сползти со своего лица. Мой растерянный взгляд не удалось скрыть даже от Ясина.

– Господин, я могу станцевать для вас в любое время. Но... мне бы не хотелось делать это здесь, – с трудом сглатываю, опасаясь произнести последнее слово. «Дома.»

Алмас мгновенно мрачнеет, вглядываясь в мои дрожащие черты.

– Ты играешь с моими чувствами, Лейла. Но ты забываешь о том, что моя любовь к тебе так же сильна, как к моим женам. К моим рабыням. Я дал тебе многое и вижу, что ты ценишь это. Признаюсь, я и сам бы не хотел делить тебя с кем-либо из моих гостей. Но... сделка очень серьезна. Мне нужны мои самые лучшие девушки. А ты – лучшая из лучших, – спокойно отчеканил Ясин, но в его голосе я слышу намеки на угрожающий тон. – Ты ослушаешься меня? Или тебе напомнить, что ты здесь по своей воле? Я могу отпустить тебя в любой момент... – прищурив веки, напоминает Ясин, но в ответ я отрицательно качаю головой.

Он знает, что не может отпустить меня. Мне никогда не откупиться. Мне никогда не расплатиться за то, что он сделал для нашей семьи.

Нервно закусываю губу, покоряясь воле своего Шейха.

– Я буду танцевать, – стоило мне подумать о том, что я накрою свое лицо вуалью, как Алмас задумчиво проводит пальцем по подбородку и дополняет приказ.

– И никаких масок, Леа. И вуалей. Мне нужны твои прекрасные глазки, – мужчина мягко накрывает ладонями мои скулы. Есть в этом жесте что-то запредельно нежное, почти отцовское. Я и сама до конца не знаю, какие Ясин испытывает ко мне чувства, и почему до сих пор не пытается взять меня силой, как проделывает это с другими девушками. Ходят

слухи... что он достаточно жесток и доминантен в постели.

Хотя кого я обманываю? Ясин наверняка догадывается обо мне. О моей бессердечности, а точнее... о том, что я почти не поддаюсь возбуждению. Возможно, я фригидна. Как еще объяснить то, что в своем возрасте и с такой внешностью, я ни разу не была с мужчиной? Я знала, из-за чего у меня стоит этот блок. Но Ясин об этом не догадывался. Это *только мое воспоминание*. Однако, даже от хозяина не укрылась страшная правда: как бы он не старался, я едва ли заведусь в его присутствии. Никому не интересно трахать бесчувственное сухое бревно, которое только может притвориться и симулировать на радость хозяину. Однако мое тело все равно не обмануло Ясина. Однажды, он пробовал это проверить и больше ко мне не прикасался.

Я испытывала сексуальное желание только в своих снах, а когда просыпалась в холодном поту и с пульсацией между ног, старалась забыть эти кошмары. Мои тайные желание были слишком темными и порочными. Такое не приходит в голову при свете дня. Такое не обсуждают с подругами...

Наверное.

– Да, мой господин, – прикрываю веки, борясь с закипающей злостью.

Нежная, уверенная, красивая.

Это все, что от меня требовалось. Когда-нибудь я выберусь отсюда и напишу чертовски разоблачающую статью об этом мужчине. Или даже книгу.

Но я не напишу. Это тоже самое, что подписать себе приговор.

– Что вам еще угодно?

– Это все. Дальнейшие указания получишь от организаторов. На этой неделе у меня много дел, я почти не появлюсь здесь. Боюсь, увижу тебя в следующий раз только на приеме. И не сомневайся – я буду смотреть только на тебя, – улыбка исчезает с лица Ясина. Нацепив на себя суровую маску, он выходит из моих покоев и отправляется дальше – наверняка, чтобы навестить еще несколько своих наложниц, а потом вернуться к жене.

Не сомневаюсь, все будут смотреть только на меня.

Сколько себя помню, никогда не была обделена мужским вниманием. Девушки завидовали мне, мечтая, чтобы мое лицо покрылось прыщами, а тело обросло целлюлитом. Но назло им этого со мной не случилось, и, к сожалению, мужчин я продолжала держать их, как своих друзей или карманных бойфрендов.

Может, мне попадались слишком слабые мужчины, которые легко поддавались моему влиянию. Всех мужей своих подруг я видела насквозь, и ни один из них не вызывал у меня ни чувств восхищения, ни зависти. Опять же, ничего. Максимум – дружеское тепло и уважение.

Тяжело вздохнув, я принялась медленно расчёсывать свои волосы гребнем – это успокаивало, когда хотелось разрыдаться и впиться в них кулаками.

Легкое движение руки по волосам...

Раз...два...глубокий вдох...

И все мои чувства спрятаны за семью вуалями. И вряд ли найдется тот, кто когда-нибудь выпустит моих демонов наружу.

Глава 2

Flashback. От третьего лица.

Кай Стоунэм был довольно необычным ребенком, и первое, что всегда привлекало взгляды прохожих, это цвет его глаз. С рождения его зеленые глаза-хамелеоны украшала частичная гетерохромия (*прим. различный цвет радужной оболочки правого и левого глаза или неодинаковая окраска различных участков радужной оболочки одного глаза.*), а черная каемка радужки и вовсе делала его взгляд магнетическим, притягательным.

Кто-то находил это красивым.

Кто-то устрашающим.

«Ты особенный, Кай. Ты мой особенный мальчик» – нежно шептала ему Ханна, когда прощалась с сыном перед сном.

В глубине души она надеялась, что он совсем не в том смысле «особенный», как его отец – Уилл, которого, несмотря на прогрессирующую болезнь, она не могла перестать любить.

Уилл был ее наркотиком. Самой большой зависимостью, а рождение ребенка только укрепило болезненную связь между ними.

Они заигрались. Каждый раз, когда Ханна позволяла себе

посмотреть на выстрадавшие отношения с мужем со стороны, ей овладевал леденящий душу страх от мыслей о том, насколько страшный приговор подписывает себе и своему ребенку, находясь рядом с психически нестабильным человеком. В дни одиночества, когда муж уезжал в командировки, она мечтала взять в охапку Кая и сбежать. Сбежать далеко-далеко, где сумасшедший муж никогда не найдет ее.

Но Уилл не всегда был таким. В периоды активного лечения у психоаналитика он вновь становился нежным и любящим отцом, мужчиной, в которого когда-то без памяти влюбилась Ханна. Жизнь с ним была сродни танцу на пороховой бочке: в любой момент Уилл Стоунэм мог сорваться и поддаться внутренним демонам, что погружали его сознание в альтернативный мир, и Ханна понимала, что, находясь в неадекватном состоянии, муж мог нанести ей серьезный вред. А что самое страшное – ребенку...

В минуты затишья, нежности и любви она могла думать только о том, что хочет от Уилла второго сына. Она бы назвала его Коулом. Обязательно Коулом.

Что с ними будет, когда он вырастет? Унаследовал ли Кай страшную болезнь отца? Ханна жила словно в аду, но с каждой секундой она все дальше пробиралась в самое сердце лабиринта, где ее ждал личный Минотавр.

Демон, которого любила всем сердцем и всей душой ненавидела.

Иногда ей казалось, что рядом с Уиллом она и сама схо-

дит с ума. Он завладел ее разумом, пленив своим характером, и подчинил своей воле. От мысли о жизни без него ее бросало в дрожь. Она и сама не могла понять, что сильнее: любовь или же ненависть к мужу? *Пока не случилось самое страшное.*

Лейла

И не вздумай себя жалеть.

Эту фразу я повторяю себе несколько раз в день, но сейчас, когда я стою в столь продажном облиии, едва ли она может помочь мне. Слезы душат, перекрывая поступление кислорода. Вены на лбу вздуваются от напряжения, а все от того, что я слишком долго проглатываю свою боль и обиду. От которой каждая клеточка моего тела сгорала. Все, что я когда-либо чувствовала – настоящее, искреннее и глубокое было сокрыто для посторонних глаз.

В прошлой жизни я носила маску скандальной и уверенной в себе журналистки, но в душе являлась маленькой забитой девочкой, преследуемой тенью своего насильника.

Я до сих пор помню смрадный запах его тела, как меня передергивало от приступов тошноты и отвращения, когда он прикасался ко мне.

Если бы все сложилось по-другому...возможно, вся моя жизнь бы тогда пошла по другому сценарию. Может быть, я бы была более открытой, искренней, доверяющей. Я бы построила отношения с хорошим мужчиной, например, с Кристианом, и сейчас бы сидела в нашей загородной резиденции и смотрела на то, как мои дети играют с собакой, которую он подарил им на Рождество.

А сейчас? Я забыла, что такое Рождество. Новый год и

волшебный светящийся шар на Times Square, предновогодние скидки, закупка подарков. Я забыла, что такое снег, потому что на Ближнем Востоке я стала не только пленницей шейха, но и вечной заложницей палящего солнца.

Сейчас я существо без прав. Получеловек, который принадлежит другому – цельному, богатому и влиятельному. И пусть Алмас относится ко мне не так плохо, как я ожидала, факт остается фактом. Я – служанка. Я – рабыня. Я – никто для этого мира, а скандальная журналистка канула в небытие, и я уверена в том, что обо мне даже никто не вспоминает.

Только семья, которая, кстати говоря, понятия не имеет, где я нахожусь.

Мое сердце предательски сжимается, когда я на секунду позволяю себе увидеть добрую улыбку своего отца. Я больше никогда его не обниму...

Не вздумай себя жалеть!

И не вздумай отпускать руки, Лейла.

Мое новое имя теперь является частью меня, и даже в мыслях я называю себя именно так. Есть ли у меня еще паспорт? Алмас забрал его, как только я подписала контракт. Я сделала это добровольно. Под гнетом веских на то причин...

Что способно толкнуть человека на подписание себе пожизненного рабства? Только жажда... жажда искупления.

Но оно так и не пришло.

Поправляю изумрудную ткань, свободно обвивающую

бедра. При каждом движении камни и украшения на моем наряде побрякивают, не говоря уже о том, что я сверкаю, как рождественская елка. Пришлось намазать тело сияющим автозагаром, исполняя приказ Алмаса.

Рисую изящную стрелку на веке, заканчивая наносить «арабский макияж» – большие и широкие стрелки, объемные ресницы и темно-коричневые губы. Кажется, этот чертов боевой раскрас прибавляет мне пару лет, но голубые глаза играют новыми красками и выглядят глубокими, томными.

Но мне так хочется смыть с себя слои штукатурки! Сорвать унижительное одеяние дешевой танцовщицы, встать на колени...

И возведя руки к небу просто закричать от отчаяния. Закричать так громко, чтобы нашелся тот, кто меня услышит. И спасет.

Большой зал особняка Ясина представляет собой коктейль из всего самого роскошного и яркого, что есть в восточном стиле: керамические вазы, украшающие каждый уголок в зале, ковры, сшитые вручную и пестрящие золотыми и ярко-красными красками. Каменный пол и широкие колонны, обрамляющие небольшой искусственный водопад, ниспадающий в бассейн, где плавают раскрывшиеся бутоны белых лотосов.

Алмас воссоздал здесь атмосферу своего первого дворца на Ближнем Востоке, и когда я покинула свою комнату, я почти забыла о том, что сейчас мы находимся в Америке. Здесь нет окон – Большой зал окутан искусственным, приглушенным и таинственным освещением. Я наблюдаю за происходящим у бассейна с небольшого балкончика над залом, спрятавшись за шторой из красного бархата.

В воздухе парит едва уловимый аромат лаванды от ароматических свечей и специальных эфирных масел, но это не помогает мне унять нервозность и подавить дурное предчувствие.

Уловив терпкий запах мяты и цитрусовых, я перевожу взгляд на кальянную зону зала, где все пространство заволочло паром и дымом. На позолоченных столах составлены аккуратные пирамидки из восточных сладостей: лукума, ну-ги и халвы.

Разглядываю каждую деталь большого зала, который и без того всегда выглядит помпезно, но сегодня служит воплощением в жизнь фрагмента из восточной сказки. Только это очень-очень жестокая сказка...

И здесь так много мужчин. *Американцев*. Мой желудок сжимается, разум ослепляет призрачная надежда. Может, позвать на помощь? Поговорить хоть с одним из этих состоятельных людей и умолять о том, чтобы они выкупили у меня у этого человека?

Какая глупость. Алмас не отдаст меня за бесценок. А ни-

кто не предложит ему столько, во сколько он меня оценивает.

– Что ты там высматриваешь? – шипит на меня Кио – она со своей бледной кожей и узким разрезом глаз совсем не вписывается в атмосферу востока. И все же девушка очень красива и миниатюрна – Алмасу нравятся женщины разных мастей. Обвожу взглядом всех танцовщиц-рабынь и с раздражением осознаю, что я одна одета в изумрудный топ и юбку. *Эксклюзив, черт возьми...*

Все девушки облачены в одинаковые костюмы, а я за счет яркого цвета и украшений заранее выделяюсь. Я хотела скрыться в толпе танцовщиц, а Ясин видимо жаждет того, чтобы я сполна насладились рабским унижением. Или хочет показать меня, как шикарную собственность, которой он обладает?

Я не знаю, что у него на уме, но теперь понимаю точно: все эти мужчины – американцы в большинстве своем, будут глазеть на меня, и я надеюсь, что камуфляжный арабский макияж поможет мне скрыть мою истинную личность. Ведь любой из них может узнать во мне ту самую «королеву интриг», и что тогда?

У меня нет ни единого ответа на этот вопрос. Но глупо ждать спасения от этих равнодушных к низшим слоям общества, толстосумов.

Кио ударяет меня по пальцам, и из моих рук выпадает кусочек лукама посыпанный сахарной пудрой. Ох уж эти во-

сточные сладости. Если в этой жизни и есть что-то, во что я безнадежно влюблена – то это сладкое. Жаль, у меня нет такой же сильной любви к мужчинам.

И к людям. Сомневаюсь, что мармеладка могла бы мне сильно навредить, а вот знакомый моего старшего брата – вполне.

– О чем ты задумалась? Нельзя лопать перед танцем! Хотя ты не из тех, кто поправляются от одного взгляда на еду. А вот мне не повезло, – Кио усмехается и еще раз легонько ударяет меня по руке. Кио – единственная девушка в гареме Алмаса, с кем мне удалось построить почти дружеские отношения.

– Кио, я не смогу... – меня передергивает от отвращения, когда я вновь смотрю на мужчин, отодвигая штору кончиками пальцев.

Давно я не видела столько представителей «элиты» в дорогих классических костюмах. Кажется, в последний раз это было на каком-то аукционе, когда я пыталась написать разоблачающую статью о его хозяине. Краем глаза я замечаю, что Ясин стоит и разговаривает с мужчиной, и он единственный, кто развернут ко мне спиной. Единственный, на ком нет пиджака – только черная рубашка и классические темные брюки. Волосы острижены очень коротко и стоят торчком на макушке, почти выбриты по вискам. Он поворачивается, но я быстро прячусь за шторой, пытаюсь унять нарастающее волнение.

Да что со мной? И зачем он повернулся? Неужели почувствовал мой взгляд на своем затылке?

От этой мысли стало дурно. Доедаю последнюю мармеладку, красующуюся на дне серебристой вазы, и провожу языком по пересохшим губам.

Шоу только начинается. К моему несчастью.

Мне хватает всего пары секунд, чтобы вспомнить свою семью, засунуть свою гордость в одно место и смиренно выйти убажывать богатых посетителей своим телом. Зал наполняет ретмичный звук восточных барабанов в сочетании с размеренной мелодией и женским голосом.

Только не поднимать на них глаз. Только ни на кого не смотреть.

Я постаралась забытья. Это всего лишь тело. Как бы раздета я ни была перед ними, никто из них никогда не коснется моей души. Я здесь, внутри. Настоящая я. А эта танцующая в изумрудном костюме девушка – Лейла.

Я полностью отдаюсь танцу, и что самое ужасное – я все-таки смотрю этим мужчинам в глаза и вижу огни похоти, за-рождающиеся в них.

Без зрительного контакта это бы не было настоящим восточным танцем, а я должна была искусно проделывать свою работу. Должна...? С каких это пор это слово есть в моем лексиконе?

Я смотрю, заглядываю каждому в душу и даже улыбаюсь, но это всего лишь маска. Девушки кружатся рядом со мной,

пока я не выхожу в самый центр и не начинаю плавно вращать бедрами, чередуя это движение с мелкой тряской под музыку – любой мужчина от такого зрелища впал бы в экстаз, и на доли секунды я даже чувствую некую власть над каждым из них, и не сомневаюсь в том, что «элитные кошельки» мигом забыли про все свои счета в банке и думают сейчас совершенно другим местом.

Продолжая танцевать, я стараюсь, чтобы мои движения были сексуальными, но сдержанными. Мне не хочется пошлости. Мне не хочется, чтобы они считали меня товаром или секс-рабыней, которая принадлежит Ясину...но уже слишком поздно. Всех нас они считают вещами, марионетками в руках влиятельного человека.

Мы – товар. А товар можно купить, обменять, продать...нехорошее предчувствие забирается под кожу, когда я боковым зрением замечаю, как Алмас перешептывается с тем самым мужчиной, обладающим сумасшедшей энергетикой. Похоже, они о чем-то спорят. *Он* не сводит с меня глаз в то время, как Алмас что-то презрительно ему нашептывает. Мужчина кидает на него короткий взгляд, от которого даже мой Господин затыкается.

Я никогда не видела подобного. Слово Ясина – закон, и не только для меня. Более влиятельного человека трудной найти, но, кажется, этот мужчина не признает авторитетов.

Внезапно музыка обрывается, и все мы замираем на месте. Я бросаю взгляд на Алмаса, полностью игнорируя при-

стальный взор его собеседника.

– Лейла остается, все остальные уходят, – коротко произносит Ясин, и девушки покорно покидают зал. С моих губ срывается судорожный вдох, и прекрасно осознаю, что мой полуобнаженный вид не скрывает моего волнения. Каждое лишнее движение груди или живота – все невербально кричит о моем страхе.

Ясин подходит ко мне, и мне приходится преклонить перед ним колени. На глазах у этих богатых животных...хоть кто-нибудь из них увидел во мне личность? А не просто красивый кусок мяса?

– Мой господин, чем могу быть обязана? – Ясин берет меня за руки и смотрит сверху вниз. Но я по-прежнему не выгляжу покорной, даже в столь унижительной позе. Я улыбаюсь.

– Обстоятельства повернулись не в мою сторону, тебя хотят у меня отнять, свет мой.

Я нервно сглотнула. ЧТО?

– Ч-ч-что...

– В этом зале есть один человек, и я перед ним в неоплаченном долгу. Этот долг больше, чем деньги.

Я начинаю понимать к чему он клонит, и притворная улыбка на моем лице становится еще шире.

– Два года ты играла со мной, – в голосе Алмаса слышны уязвленные нотки.

Я? Играла? Это вы сделали меня своей собственностью!

– Поэтому, не притворяйся, что тебе грустно, когда покинешь стены этого дворца. Как бы мне не было больно расстаться с... одним из лучших экземпляров моей коллекции, – меня передергивает. – *Я думаю, что сегодня продам тебя.*

Товар. Я товар. Предмет торговли на рынке извращенных животных, которые смеют называть себя людьми...

– Ты не выполняешь *некоторых функций*, которые мне необходимы. А секс по принуждению это не по моей части.

Я товар с браком. Который нужно продать. Все ясно. Я начинаю представлять, что Ясин говорит это не мне, пытаюсь наблюдать за этим со стороны. Но моя гордость, мое самовлюбленное эго жалобно и обиженно скулит, закрываясь руками.

– Но как же... – «моя семья», хотела договорить я, но Ясин прервал меня.

– Твой брат на свободе, и так будет до тех пор, пока он снова не совершит преступление. Уговор, который мы заключили два года назад, до сих пор в силе. Ты стала моей в обмен на свободу брата. В обмен на благополучие своей семьи.

Я хотела сказать что-то еще, прибывая в оцепенении и состоянии аффекта, но он слегка оттолкнул меня и уже громким и суровым голосом отдал свой приказ:

– Танцуй, Лейла! Танцуй для всех нас, – я до сих пор до конца не осознаю, что на самом деле происходит прямо сейчас. Не могу поверить. Ясин дорожил мной, как самым дорогим бриллиантом, как самой крутой тачкой в его коллек-

ции. Он бы не продал меня... разве что под дулом пистолета.

Так кто же этот человек? Кто этот человек, который одним взглядом смог направить на такого, как Ясин, тот самый смертоносный кольт?!

Мне трудно представить, насколько он властен и влиятелен, что даже для Ясина его слово – закон.

Прислушиваясь к новой мелодии, я начинаю танцевать снова. И я больше не собираюсь стараться.

Как только делаю первое круговое движение бедрами и поднимаю руку вверх, ощущаю, как жжет кожу. Его взгляд клеймит мое тело ожогами, и это... так незнакомо, непонятно, страшно.

Если в первый раз я танцевала очень женственно и постоянно дотрагивалась до своего тела руками, то теперь я больше похожа на непластичную марионетку, которую заставляют танцевать, дергая за нити.

Я отступаю от музыки, от ритма, от всего, что делает обычный танец настоящим произведением искусства. И молюсь. Молюсь о том, чтобы этот мужчина передумал покупать меня у Ясина. Или забирать в счет долга.

В глубинах подсознания маячит огонек слабой надежды: что, если этот человек узнал меня? Что, если он решил помочь мне? Решил таким образом вызволить из рабства?

Я не знаю, что и думать, но мой танец резко прерывают жестким хлопком в ладоши.

– Ты доволен моей прекрасной Лейлой? – интересуется

Ясин у молодого человека, на которого я стараюсь не смотреть.

– Ничего особенного, как оказалось, – после долгой паузы слышу пренебрежительный и ледяной голос. Резко обернувшись на него, чувствую, как по ложбинке груди стекает увесистая капля пота.

Он лишь на доли секунды обжег меня взглядом, но его лицо и весь образ навеки отпечатались в моей памяти. А потом его взгляд упал именно на предательскую капельку пота, которую я даже смахнуть не могла...

О, Боже.

– Она мне... не нравится, – выплевывает он, и я перевожу взгляд на Ясина, выжидая новых указаний. – Что ж, если тебе нечем расплатиться со мной...

– Стой! – впервые за два года я слышу в голосе Ясина мольбу. Казалось, она приводит в шок всех остальных присутствующих мужчин, которые с любопытством наблюдают то за мной, то за перепалкой двух гладиаторов. – Лейла, что это было?

Его уничтожающий взгляд полон ненависти.

– Я танцевала, мой господин, – высокомерно поясняю я, скидывая подбородок.

– Не упрямься, свет мой. Не выложишься сейчас – я сделаю все, чтобы ты пожалела о том, что не попыталась ему понравиться, – преодолев расстояние между нами, Ясин медленно наклоняется к моему уху. – Мне достаточно одного

звонка, и твой брат снова за решеткой. А вся твоя семья там, где она и должна быть – на самом дне, – четко произносит Алмас, ставя меня на место. Впервые за два года он настолько жесток по отношению ко мне. Видимо этот человек действительно держит Ясина на коротком поводке.

– Мой дорогой друг, мистер Стоунэм. Лейла способна на большее и сейчас она это демонстрирует, – пространство наполняет новая музыка, а в моих висках пульсирует лишь прозвучавшая фамилия.

Мистер Стоунэм. Стоунэм...Стоунэм...Стоунэм. Мне знакома эта фамилия. И я вдруг цепенею, когда сопоставляю свою прошлую жизнь с тем, что происходит сейчас.

Мир очень тесен. Слишком тесен, чтобы я могла писать про кого-то разоблачающие и обвинительные статьи, и потом не заплатить за это. Уже заплатилась.

Мистер Стоунэм пренебрежительно кривит губы, наблюдая за тем, как я стою в оцепенении и танцевать не собираюсь. Но...вдруг замирает, когда я, наконец, начинаю двигаться.

Я должна. Ради своей семьи, я должна сделать все, что от меня требует Ясин.

Хочется плакать от отчаяния, но на моем лице вновь появляется загадочная (как я надеялась) полуулыбка и томный взгляд, брошенный на окружающих меня мужчин.

Я знала, о чем они все думали. Ясин, наверняка, заикнулся им о моей непорочности, и у каждого из них это вызыва-

ло неподдельный интерес. К тому же я знала, что мужчины+ считают меня красивой...

При всем том, что я была почти обнажена и трясла грудью в такт со своими бедрами, что было очень унижительно, я чувствовала себя королевой.

Я могла бы контролировать самых слабых из них. Я могла бы управлять мужчинами, и они делали бы все, исполняли бы каждое мое желание...

Но не этот человек, который сейчас не отрывал от меня своего зоркого взгляда. Пристального, обжигающего... такой взгляд заставлял кровь в жилах стынуть, а потом вновь разгонял ее по телу.

Сделав последнее резкое движение бедрами, я упала на бархатный ковер, расстеленный для моего танца, и накинула на себя вуаль, которую достала из-за усыпанного побрякушками пояса.

Десятки глаз были прикованы ко мне, но лишь один человек смотрел так, будто видел насквозь. Словно мое лицо не скрывает тончайшая вуаль из арабского шелка.

Я опустила взгляд в пол, чувствуя, как позволяю закопать себя в новые кандалы страха и унижения...но, не смогла вновь поднять его. Не смогла выдержать взгляда этого мужчины, который на веки запечатлелся в моем внутреннем зоре.

ОН выглядел, как первозданное и древнейшее ЗЛО.

Холодный. Взгляд нефритовых глаз с угольно-черной

окантовкой жалит меня, словно удар кнута, и я почти чувствую, как это причиняет боль. Физическую.

Как такое возможно?

Я ненавидела своего хозяина, но я бы смирилась с тем, что буду жить здесь, в сказочном дворце, чем добровольно бы сдалась в плен этого чудовища.

М о н с т р.

Все что приходит мне в голову, когда я вспоминаю его идеальные черты лица. Четкую линию челюсти и рельефные скулы, которые придают ЕМУ такой вид, будто он только что поднялся из преисподней.

Я дернулась на ковре, потому что единственное чего я сейчас хотела, это бежать.

И пусть я получу новый удар, новое наказание...все это лучше, чем быть отобранной ИМ.

Избранной.

Даже ад, в котором я оказалась, казался мне раем. Потому что настоящее пекло, оно там – под взглядом зеленых глаз с дьявольской окантовкой. Под взглядом демона.

Демона, чью идеальность "портит" только заметная родинка на левой скуле.

– Глаза на меня, – его голос звучал не громко, в нем слы-

шались оттенки ласковой угрозы.

Мне казалось, что, если я посмотрю на него, то тут же расплачусь. Мой организм чувствовал опасность, которая исходила от этого человека.

Хотя, казалось бы, что может быть опаснее Ясина? Я уже знакома с тем, каково быть рабыней. Меня не ждет ничего нового...

– Подняла глаза на меня, – снова повторил он, и я вновь послушалась.

– ЛЕЙЛА! – в голосе Ясина трепетал гнев.

– Не вмешивайся, Ясин, – кажется, Кая(я прекрасно знала как его зовут) только забавляла данная ситуация. – Мне нравится, что она такая непослушная. Тем больше причин наказать ее.

Его слова звучали в самом плохом из смыслов – многообещающе. Ясин не трогал меня, два года он берег мое тело...я вдруг почувствовала на своем подбородке уверенные пальцы. Они сжали меня в тиски, заставили покориться воле Кая.

Я подняла на него глаза и поняла одно: этот человек едва ли будет меня беречь. Если он захочет – он возьмет, и ничто его не остановит.

На снимках репортеров Стоунэм выглядел совсем не так, как в жизни. «Самый молодой и скандальный конгрессмен в истории подрался в баре.»

«Безответственный конгрессмен: жертва или убийца?»

Заголовки моих статей посвящённые Стоунэму бегущей строкой пролетели перед моими глазами.

– Вот мы и встретились... Лейла, – с презрением отметил он, сжав мой подбородок еще сильнее. Затем он откинул меня, унижая прилюдно: я отлетела на бархатный ковер, как дешевая шлюха.

– Что ж, Ясин. Я так понимаю, тебе больше нечего мне предложить...

– Деньги...

– Даже твоих денег не хватит. К тому же, они у меня есть. Поэтому упакуй ее хорошенько и доставь мне. Я люблю новые игрушки... до тех пор, пока они мне не надоедают, – он усмехнулся, и я отчетливо услышала в его голосе то, чего боялась больше всего – план изощренной мести.

– По рукам, мистер Стоунэм, – мужчины пожали друг другу руки, а все остальные присутствующее многозначительно ухмыльнулись.

Как это понимать? Бесчеловечные, вы, твари! На ваших глазах произошло что-то омерзительное, незаконное... на ваших глазах только что продали человека! А вам плевать?!

Меня затошнило. Спасения ждать не приходилось. Ни от кого. Эти мужчины и сами были марионетками в руках Стоунэма и Ясина...

Я подняла глаза на Алмаса, но он только поджал губы: мужчина был явно расстроен тем, что придется расстаться со мной. Но не сильно. Он думал, наверное, только о том,

что он бы все равно не получил того, что он хотел...

Ему было необходимо, чтобы женщина желала его также, как и он ее. А я была «с браком». Горячая женщина с глыбой льда внутри.

Я чуть не завывала от отчаянья, когда поняла очевидный факт.

Меня продали. В который раз.

– Нет! Я не сдвинусь с этого гребанного места! Ты видел его?! Видел его глаза?! Он же сожрет меня и косточки проглотит! – Ясин пришел попрощаться со мной, но я молчать не стала. Он мне больше не хозяин.

– Ты забыла, с кем ты разговариваешь, Леа, – Алмас схватил меня за левую руку, которой я активно размахивала. Другой я смела с туалетного столика все его чертовы подарки, и десятки пузырьков, усыпанных камнями, разбились о пол.

В комнате повис тяжелый запах арабских духов – запах жасмина, пряностей и восточных специй.

– Он просто мужчина, который положил на тебя глаз. Все они хотели тебя, свет мой...

– НЕ СМЕЙ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТАК после того, как ты пообещал ему меня, как товар! – я даже прикрикнула на шейха. Если бы меня видела хотя бы одна из его жен, которые вылизывали ему пятки, у них бы волосы на теле дыбом встали.

– Прекрати истерику, Лейла! Ты и есть товар! – гаркнул он, дергая меня. – Он просто жаждет твоего тела. Девушки надолго в его постели не задерживаются. К тому же любому мужчине просто необходимо чувствовать желание девушки... а у тебя с этим проблемы. Увидит, что ты черствая внутри штучка, и выпустит тебя. Вот и получишь ты долгожданную свободу. Даже жаль отдавать тебя, зная, что это тоже, что добровольно освободить тебя...

Мои губы дрожали, я глядела в смоляные глаза шейха, но видела там только легкую печаль – такая бывает, когда разбиваешь любимый телефон или теряешь пятьсот долларов. Грустно, неприятно, но не смертельно. Любую вещь... можно заменить.

И меня тоже.

– Ты такая красивая, – выдохнул он, но его слова о моей внешности уже стояли у меня поперек горла. Я начала вырываться из его рук, не собираясь прощаться с этим иродом, который подписал контракт о моей продаже.

Почему? Как я дошла до такой жизни? Чем была та самая точка отсчета, когда все пошло наперекосяк?

– Хотя ты и не трогал меня, Ясин. Ни разу с тех пор, как понял, что со мной ничего не выйдет... ты все равно был тем, кто лишил меня свободы. Взял в плен...

– ТЫ САМА СОГЛАСИЛАСЬ, ЧЕРТ ТЕБЯ РАЗДЕРИ!
Не надо искать во мне Дьявола, я не плохой человек.

– Все было не так! Если бы не моя семья...

– Ты пожертвовала собой ради своей семьи. Ты искупила свою вину перед ней и помогла им зажить нормальной жизнью. Эти два года ты жила во ДВОРЦЕ...

– В клетке! В гребанной клетке! Я не живу, а существую!

– Привыкай, моя милая, Лейла. Ты хотела легкой славы, выстраивая свою карьеру, разоблачая слишком опасных людей. И ты за нее поплатилась. Теперь я вижу твое истинное лицо – ожесточенное, озлобленное, и понимаю, что маска улыбающейся дурочки, застилала мне глаза. И запомни мой совет: лучше носи эту маску и с Каем. Так куда больше шансов, что он не будет так жесток, как в слухах, что о нем ходят...потому что твой огонь будит во мне зверя. И мне нужно все мое самообладание, чтобы не взять тебя силой прямо сейчас, – Шейх наклонился ко мне ближе и прошептал это у моих губ.

Я не испытывала ни страха, ни возбуждения. Скорее удивление.

– Твоя женственность будит в мужчине любовь, но твоя злость – похоть, с которой совладать очень трудно, – он произнес это сквозь сжатые зубы, его руки легли на мои плечи, и он до боли сжал их. – Имей это в виду, иначе не пройдет и месяца, как я узнаю, что мой прекрасный цветок завял. Если не погиб, – дал последнее наставление он и откинул меня в сторону – вот оно, прощание с «любимой вещью».

Слова шейха о Кае заранее запугивали меня, а ведь это было не так просто сделать.

Я не должна поддаваться глупому внушению. В конце концов он просто человек. Обычный мужчина с манией величия и целым миром в своих руках. *Ничего сложного...обвести его вокруг пальца...заставить меня отпустить...правда?*

Нет.

– Я НИКУДА НЕ УЙДУ! – истерика охватила все мое тело, когда до меня окончательно дошел смысл слов Ясина.

«Прекрасный цветок. Завял. Погибнул. Месяц.» – эти слова вспыхивали в моем мозгу, подобно красным огням светофора.

– Мне туда нельзя! Умоляю, господин, помогите мне! – умоляла я, сложив руки вместе.

С каждой секундой шейх становился все более уставшим и раздраженным. Однако это не могло скрыть его возбуждение, и его «американское» облачение, обтягивающие эрекцию брюки, пиджак и рубашка, не скрывали этого.

Его заводит моя истерика? Что?!

– Тогда поклонись мне, – коротко ответил он, и я опустилась на колени – быстро и без труда, как делала уже много раз. Я не чувствовала стыда и унижения. Я смотрела на шейха, как на своего брата или друга. Я быстро заморгала глазами, чтобы сдержать слезы.

– Ты опять не покорна. Твой взгляд на меня...он только ранит меня. Так женщина не смотрит на мужчину. Поэтому...я не буду за тебя бороться, – губы шейха шевелились

медленно, казалось, целую вечность, когда он окончательно огласил свой вердикт.

Я не хотела в это верить. Он словно пинком выгоняет меня из дома в ад.

И тут я начала сходить с ума – все, что попадалось мне под руку, я крушила и ломала, сметая подарки шейха на своем пути. Я била подушки, кидала их в Ясина и кричала...

Шейх хлопнул в ладоши, и в комнату вошла его охрана. Это было уже предательство.

Выгонять меня так...

– И запомни: будь послушной девочкой, Лейла, – это все, что сказал мне Ясин, прежде чем мою вену пронзила быстрая и острая игла.

Я даже не успела понять, что произошло.

Вот я в последний раз вглядываюсь в черные глаза Ясина, а через секунду – ударяюсь головой об пол, теряя сознание. В полудреме я чувствую на себе несколько пар мужских грубоватых рук и понимаю, что судьба не устает проверять меня на прочность.

Да только, если до этого дня, я была птицей в золотой клетке, то теперь кем буду я? Птицей на поводке, которую хозяин выдрессирует для своего удовольствия.

Глава 3

Лейла

Ко мне прикасалось множество рук – это все, что я помню, пока пребывала в состоянии полусна и забвения. Я не хотела верить, что все это происходит на самом деле, и даже из плена, но «нагретого гнездышка», меня кидают в неизвестность.

Уже кинули.

«Товар» требовал тщательной обработки и проверки. Это я поняла, когда почувствовала, как мне снова воткнули шприц в вену.

– Успокойся, – я всхлипнула, находясь в апатичном состоянии. – Мы берем у тебя кровь, чтобы проверить, все ли с тобой в порядке.

У меня не нашлось сил для ответа. Сквозь закрытые веки я не видела, где я, что я, куда меня везли (я чувствовала, как меня кидало в машине из стороны в сторону, а значит меня точно уже куда-то забрали).

Я помню вспышки острой боли меж моих бедер и подмышками. На ногах. Микровзрывы на своей коже.

Помню теплую воду, которая касается моего тела, и женские руки.

Помню, как кто-то одевает и раздевает меня, словно кук-

лу.

Мое, делает мне депиляцию во всех частях, где наблюдается хоть малейшая лишняя растительность. В рабстве у Ясина я постоянно проходила эту процедуру.

Разве у куклы есть волосы где-то кроме головы и век?

Я осознала все это, когда пришла в себя по-настоящему. Проснувшись, чувствуя холодный воздух на своей обнаженной коже.

Обнаженной.

Я абсолютно голая.

Я ожидала чего угодно – темной темницы, камеру пыток, комнату боли с игрушками для извращений.

Но когда я открыла глаза, всего этого не было. Моя комната была прекрасной.

Я села на кровати, чувствуя боль от того, что все волосы на моем теле (кроме головы) беспощадно и не самым безболезненным образом выдраны. Мои же длинные волосы тщательно расчесаны и распущены – кончики подровнены и пахнут вкусным цветочным шампунем.

Все ясно. Кай Стоунэм большой перфекционист. Маньяк. Коллекционер.

Как иначе еще объяснить то, что он отшлифовал меня до глянцевого блеска? Неужели желанием позаботиться обо мне?!

Все еще с туманом в голове я оглядываюсь по сторонам. Довольно просторная комната с большим окном, плотно за-

крытыми шторами. Холодный воздух, что разбудил меня, исходит от кондиционера.

С надеждой на то, что Стоунэм живет не на сотом этаже, я подбежала к окну и распахнула шторы темно-синего цвета с серебряным узором, и чуть не завывала от отчаянья.

За окнами...не было вида. Оно замуровано железной пластиной, и с солнечным светом я могу благополучно попрощаться.

Я даже не знаю, где я. В каком мы городе? Может, пока я была без сознания мы летели на самолете? В Америке ли я вообще? И если мы за границей, то как он перевез через границу тело, к тому же без документов?

Реальность такова, что у меня уже давно нет паспорта. Прав. Страховки. Я букашка, которая не имеет право посягать на свободы человека.

И как я могла это терпеть? Во имя чего?

Где-то в глубине души раздался тихий скрипучий голосок, напоминающий мне: ты знаешь во имя чего.

Я продолжила изучение комнаты, ежась от холода. Причины, по которым меня раздели и не одели обратно, были мне непонятны. А те, что приходили на ум...пугали.

Между ног я чувствовала легкий дискомфорт. То ли от депиляции, то ли от чего-то другого...

Зачем?

– Больной, – выплюнула я, цепляясь руками за одну из подушек на своей кровати.

Сатиновая ткань заскользила под моими пальцами, переплетаясь с бисером. Как и все в этой комнате, она была явно продумана до мелочей. Современность перекликалась с элементами востока, к которым я так привыкла: насыщенный синий цвет мебели с серебряной отделкой, а под ногами мягкий бежевый ковер.

Комната была красивой, но холодной и неудобной. Она пустовала годами, прежде чем меня поместили в эту роскошную коробку. Все еще пребывая в туманном состоянии, я присела на кровать и заглянула в прикроватную тумбочку – просто так, от нечего делать.

Я думала тумбочка окажется пустой и сначала даже обрадовалась, когда открыла загадочный ларец с «подарками». Радость моя улетучилась, как только я увидела сверкание холодного металла на деревянном дне.

Наручники.

По моей пояснице пропорхал холодок, и я поежилась, обхватив себя руками. Очень холодно. Как выключается этот гребанный кондиционер?

Что будет со мной дальше? Рано или поздно сюда же кто-то придет. Не будут же они морить меня голодом, раз уж поместили в такие условия?!

И что делать тогда? КАК ВЫБРАТЬСЯ? Это мой шанс. Шанс вернуться к своей жизни. Искоренить Лейлу изнутри и навсегда забыть о том, что я вообще когда-либо была рабыней.

Но наручники оставляли мне мало надежды на спасение. Один их вид заставлял меня вспомнить то, как подобные одели на Мейсона и посадили в полицейскую тачку. Он был весь в чужой крови, а я и слова не могла вымолвить от страха, пока из меня вытрясывали хоть малейшую информацию о случившемся.

Эти наручники были другого характера. Они явно предназначались для... *игр*.

Ком в моем горле нарастал. Рядом с наручниками я обнаружила длинную и толстую атласную ленту серебристого цвета.

Моя рука наткнулась на что-то скользкое, и когда я достала это, я чуть не обомлела. Штуковина, которую я держала в руке, очень напоминала размером и формой... гигантский огурец. Черт возьми, это бутылек со смазкой. Или с маслом.

Лучше бы это было масло, хотя разницы никакой нет. Я захлопнула тумбочку, не желая заглядывать в остальные ее отделы.

Окончательно озябнув, я посмотрела на шкаф, решив заняться поиском одежды. Он был огромен, а зеркало во всю дверцу и вовсе заставляло его слиться с комнатой.

Подойдя к своему отражению, я ужаснулась. Сгибы моих локтей были покрыты синяками и одноразовыми пластырями – воспоминание-вспышка о том, что у меня взяли кровь, объяснило отметины.

На моем теле остались небольшие следы от грубых паль-

цев — видимо я все-таки вырывалась, когда меня несли. С ужасом подняла руки и обнаружила, что мне действительно сделали эпиляцию.

Я провела рукой по своей гладкой коже...ни единой шероховатости. Такое чувство, что меня и кремом намазали.

От этой мысли я окончательно окоченела. Кто я, черт возьми, по его мнению? Марионетка? Кукла?

Кто-то дотрагивался до меня руками, пока я была без сознания. *Что если...?*

Меня и девственности могли лишить. От куда эта болезненность между ног?!

И неужели я могла бы забыть о том, как со мной это сделали?

Что-то мне подсказывало, что эта мысль, от которой меня только тошнило, была ошибочной. Нервно сглатывая, я опустила руку меж своих ног и окончательно поняла, что я была абсолютно гладкой везде. Как будто там и вовсе никогда не было волос. Везде, абсолютно везде, каждый дюйм моего тела был вылизан профессионалами.

Прежде я ничего особо не чувствовала, когда дотрагивалась до себя. Только то, что могла спокойно подавить, задушить и забыть об этом. Но сейчас...от холода мои соски встали и напряглись, став чувствительными даже к воздуху. Он ласкал мое тело...

Со злостью я распахнула дверцу шкафа, оглядев содержимое.

Ничего не понимаю.

Красивая одежда, дорогие бренды. Может, я не права, и Стоунэм решил все-таки освободить меня? Иначе зачем такой уход? Это совсем не похоже на изощренную месть, которой я так ждала.

Я думала, он поместит меня в темный чулан и будет кидать мне на пол булки хлеба. А я буду подбирать их, чтобы не умереть от голода.

Все было так аккуратно разложено по полочкам – белье разных цветов от моего любимого бренда. Когда-то я не могла позволить себе даже смотреть на такие вещи. А теперь они были на расстоянии вытянутой руки. Ясин тоже не баловал меня особыми подарками – ради жен. Он проводил четкую черту между ними и рабынями, и всех истинных почестей удостоивались его настоящие женщины.

Платья, чулки, домашние шелковые халаты – всего по чуть-чуть, но так, чтобы был выбор. И все таки нижнего белья здесь было куда больше, чем одежды...

Никаких джинсов и футболок.

И ни одного спортивного и хлопкового лифчика! Все кружевное, в основном черного и красного цветов.

Это не радует. Это пугает.

Стало даже смешно. Любая бы другая девушка на моем месте, наверное, думала бы, что это сладкий сон...но не я.

Наконец, я оделась – выбор повседневной одежды был скуден, поэтому я одела на себя белье и платье бельевого ти-

па, и халат – для надежности. Будь моя воля, я бы одела шубу, да только она бы вряд ли защитила меня от холодного взгляда мистера Стоунэма.

И что дальше? Только этот вопрос не давал мне покоя.

С надеждой я потянула входную дверь на себя, но меня тут же шарахнуло от пронзающего тело звука сигнализации. Дверь изнутри не открывалась. Я заперта в красивой коробке. Уж лучше темница. *Ведь горькая правда, всегда лучше сладкой лжи...*

Пытаясь успокоиться, я уселась на кровать и начала ждать. Мое сердце пустилось вскачь, пока я выжидающе смотрела на дверь. Ближайшее время кто-то ворвется сюда и расскажет мне(я надеюсь), что я здесь делаю. И я не была уверена в том, что это что-то хорошее и безопасное для моей души и тела...

Спустя час мучительного ожидания ко мне так никто и не пришел. Возможно, я была здесь одна. Может меня снимали скрытые камеры, и я была участницей нового шоу для Стоунэма. Я понятия не имела, чего мне ждать и как мне разговаривать с ним или с другим человеком, который ко мне явится.

Не хотела бы я вновь увидеть этого монстра. Что-то подсказывало мне, что у Кая могут быть садистские наклонности, учитывая то, что у него явно есть мания к неограниченной власти и то, какой девушкой была его жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.